

Глава девятая. Осталось ли самое страшное позади?

После терактов 11 сентября США «столкнулись лицом к лицу с грядущими ужасами»{417}. Пугающая угроза террористических нападений, несмотря на то что о возможности их осуществления было известно еще с момента диверсии во Всемирном торговом центре в 1993 году, именно теперь стала настолько осязаемой, что ее уже нельзя было не замечать.

Говоря более точно, это общество столкнулось лицом к лицу с ужасами терактов. Правительство и органы власти занимались привычными делами, прекрасно осознавая, что они могут использовать общественные страхи и ощущение паники в своих интересах. Они, вероятно, даже могли в какой-то мере способствовать нагнетанию страха, чтобы упрочить значимость своей деятельности в глазах общества. Представители власти заявляли о том, что непатриотично ставить под сомнение эффективность работы государственных органов и служб, однако считали при этом патриотичным разрабатывать и осуществлять государственные программы, которые действуют исключительно в интересах состоятельных членов общества. Эти программы подрывали национальную систему социального обеспечения и ограничивали свободу своих запуганных граждан для повышения управляемости страны. Как писал Пол Крагман, «не успела еще осесть пыль (в буквальном значении)» над руинами Всемирного торгового центра, некоторые влиятельные члены Республиканской партии заявили о своем «решении использовать терроризм в качестве предлога для оправдания проводимого ими радикально правого политического курса»{418}. Он, а также ряд других исследователей и экспертов отмечали крайнюю настойчивость в проведении в жизнь данной политики. Это довольно естественная реакция любого сильного и неповоротливого государства на события подобного рода.

Другие страны также воспользовались открывшейся возможностью. Россия присоединилась и стала активно участвовать в деятельности «коалиции против терроризма», ожидая получить международные санкции в решении чеченского вопроса, и не осталась разочарованной. Китай с радостью присоединился к коалиции по тем же причинам. Израиль решил, что сможет наконец беспрепятственно проводить жесткую политику в отношении палестинцев, пользуясь еще более активной поддержкой США, чем прежде. И таких примеров много по всему миру.

Безусловно, нельзя недооценивать всю серьезность угрозы международного терроризма. В ходе потрясших все человечество событий 11 сентября погибло больше людей, чем во всех

известных случаях террористической агрессии в мирное время. Хотя не все так однозначно; в этой связи данное преступление не является чем-то абсолютно беспрецедентным, о чем хорошо известно жертвам других нападений.

Однако угроза терроризма несет опасность не только для нас самих. Не меньшие риски в условиях обладания оружием массового поражения, а также его использования связаны с наличием человеческого фактора или сбоя в технике. В одном важном документе от 1995 года сотрудники Стратегического командования США описывают ядерное оружие как наиболее важное средство из всего арсенала имеющихся в США видов вооружения. «В отличие от химического и биологического оружия, эффект от его использования наступает моментально и трудно защититься от воздействия такой разрушительной силы». Вместе с тем «ядерное оружие используется как важный устрашающий фактор в любом конфликте», поэтому оно всегда должно быть готово к использованию.

В этом докладе исследователи говорят о том, что не надо считать себя «абсолютно рациональными и хладнокровными... При формировании общественного и международного имиджа США должно учитываться, что Соединенные Штаты могут предпринимать действия, выходящие за рамки рационального понимания, и они могут быть движимы жадой возмездия в случае, если их жизненные интересы подвергаются опасности». Это заведомо «полезно» для американского международного статуса «в случае, если какие-то элементы системы могут „выйти из-под контроля“». Военные стратеги под руководством Б. Клинтона в данном случае ссылались на вариант развития событий, который был назван Р. Никсоном «теория сумасшедшего», когда в октябре 1969 года он и Г. Киссинджер ликвидировали последствия нештатной ситуации с использованием ядерного оружия. Она не грозила масштабной катастрофой, но ситуация в тот момент могла выйти из-под контроля, поскольку не были учтены некоторые важнейшие факторы — это лишний раз доказывает, что применение силы в современном мире имеет непредсказуемые последствия.

США должны иметь возможность нанести ядерный удар первыми, полагают специалисты из Стратегического командования США, даже против государств, не обладающих ядерным потенциалом, которые в 1970 году подписали Договор о нераспространении ядерного оружия. США должны и впредь использовать систему автоматического запуска стратегических ядерных ракет по предупреждению и иметь, что называется, «палец на ядерной кнопке». Выходит, администрация Б. Клинтона успешно внедрила все эти положения в жизнь{419}.

В США, наверно, сложилась уникальная ситуация, которой нет нигде в мире, — открыт доступ к важнейшей государственной информации, что можно назвать явной заслугой демократии. Документы вроде того, на который я только что ссылался, находятся в открытом доступе на протяжении длительного периода времени, но о них никто ничего не знает.

Колоссальные опасности, связанные с эксплуатацией ядерных вооружений, исходят не только от могущественных ядерных держав. Небольшую атомную бомбу, наряду с другими видами оружия массового поражения, можно контрабандно провезти практически в любую страну{420}. Специальная рабочая группа Министерства энергетики США пришла к

заклучению о том, что «на территории бывшего СССР могут находиться около 40 000 единиц ядерного вооружения, причем без должного обеспечения безопасности их хранения». Одним из первых решений после того, как Дж. Буш-младший сел в президентское кресло, было прекращение сравнительно недорогой программы поддержки Российской Федерации в области обеспечения безопасности ядерных вооружений, их утилизации и предоставления заказов ученым-ядерщикам, которые могут остаться без работы. Это решение резко повысило риск случайного срабатывания ядерного оружия и его пусковых систем, создало опасность контрабанды компонентов ядерного оружия для последующего создания «грязной атомной бомбы»{421}.

Американские программы противоракетной защиты также способствуют увеличению данных опасностей в глобальном масштабе. По данным американской разведки, действия США по наращиванию системы обороны могут привести к модернизации Китаем своего ядерного комплекса и десятикратному увеличению ядерного арсенала с возможным созданием ракет с разделяющимися головными частями (система МИРВ). Это, в свою очередь, «подстегнет проведение модернизации своих комплексов вооружений Индией и Пакистаном», что также может иметь негативные последствия для ситуации на Ближнем Востоке. Руководство американских разведслужб прогнозирует, что «Россия и Китай могут способствовать распространению ядерного оружия и технологий, включая средства защиты, в интересах таких стран, как Северная Корея, Иран, Ирак и Сирия». Аналитики полагают, «что в ответ на создание новой системы национальной противоракетной безопасности США России ничего не останется, кроме наращивания собственного ядерного военного производства»{422}.

Администрация Дж. Буша объявила, что «не будет выступать против планов Китая по увеличению своего небольшого арсенала ядерных ракет», сменив свою прежнюю позицию в надежде на уступки с китайской стороны по аннулированию базовых двусторонних договоренностей по контролю вооружений. По этой же причине Б. Клинтон вел переговоры с Россией о разработке совместной автоматизированной системы раннего предупреждения о ракетном нападении. Это предложение военные эксперты сочли «крайне странным», поскольку в системе противоракетной обороны России существовало «множество дыр» и она давала частые сбои, а введение предлагаемой системы способствовало бы увеличению «опасности несанкционированных, случайных и ошибочных пусков российских ракет». Возобновление ядерных испытаний Китаем, как сообщалось в СМИ, также было воспринято крайне спокойно. Военные аналитики предположили, что такая сдержанная позиция американского руководства может привести к тому, что Китай перенацелит большее количество своих ядерных ракет на США и Японию, что будет иметь соответствующие последствия для китайско-японских отношений и усугубит ситуацию на Тайване. В то же время в прессе появились сообщения, что США могут применить санкции по отношению к Китаю за то, что тот осуществит передачу Пакистану «компонентов ракет, а также технологий, позволяющих производить ракетоносители для ядерных бомб»{423}.

Все это кажется «довольно странным», если всерьез относиться к вопросам международной безопасности.

Система противоракетной обороны и другие военные программы администрации Дж. Буша носят «крайне провокационный характер» для России и Китая, отмечают Джон Штайнбрунер и Джеффри Льюис. Как многие другие военные специалисты и аналитики, они оценивают подписание президентами Дж. Бушем и В. Путиным в мае 2002 года Договора о сокращении стратегических наступательных видов вооружения как показательную меру: подписание этого договора «не приведет к значительному сокращению смертоносных запасов ядерного оружия обеих стран». Это не приведет и к утверждению стратегического баланса: «ухудшающееся состояние арсенала ядерного оружия России делает его крайне уязвимым для упреждающих ударов, в частности, если учесть, что США проводят модернизацию своего ядерного вооружения и системы его развертывания» — вероятно, это приведет к ответным действиям со стороны России. Китай рассматривает программы ядерного перевооружения США как прямую угрозу собственной стратегической безопасности, обладая слабо развитой системой ядерного сдерживания, и, вполне возможно, в ближайшее время начнет переориентировать свою экономику в сторону увеличения финансирования оборонной деятельности. Китай, как пишут Штайнбрунер и Льюис, считает свое положение уязвимым. Этому способствовало появление в 1998 году долгосрочной программы Объединенного космического командования Вооруженных сил США. В ней был введен принцип «глобального ведения вооруженных действий», предполагающий «наличие космических оборонных средств», которые позволяют США атаковать любое государство на Земле и «вместе с тем отражать любые возможные нападения на США». Это было еще одним вкладом, сделанным в период правления Б. Клинтона, в создание в сентябре 2002 года Стратегии национальной безопасности. Международная конференция по разоружению под эгидой ООН зашла в тупик, поскольку Китай с 1998 года настаивал на принципе использования космоса в мирных целях, а США отказывались согласиться с этим требованием, тем самым испортил отношения со многими своими прежними союзниками и создал условия для конфронтации{424}.

Исследование, проведенное в мае 2003 года корпорацией «Рэнд», пришло к выводу: «Несмотря на потепление российско-американских отношений за последнее десятилетие, потенциальные угрозы случайного, несанкционированного запуска ядерных ракет в России и США значительно возросли». Отсутствие должного внимания к этим проблемам «чревато самыми катастрофическими последствиями в современной истории, впрочем, и вообще в истории человечества», — заявил Сэм Нанн, бывший сенатор, а в настоящее время сопредседатель организации «Инициативы по противодействию ядерной опасности», которая выступила заказчиком данного исследования. Главные причины опасности кроются в наличии у обеих сторон тысяч ядерных боеголовок, при том, что США увеличивают свой ядерный арсенал, а это может подтолкнуть Россию к повышению уровня ядерной опасности и вероятному внедрению «системы автоматического запуска ракет по предупреждению», функционирование которой вызывает опасения в связи с возможностью несанкционированного запуска ракет. Нанн также считает договор Буша-Путина не более чем формальностью. Как и США, Россия отреагировала на подписание этого договора резким наращиванием количества и увеличением технической оснащенности своих ядерных комплексов и систем защиты, будучи обеспокоена крайней активностью США по увеличению своих вооружений{425}.

Степень опасности, связанной с «распространением ядерного оружия и средств массового поражения», по причине недостаточно эффективной системы безопасности на складах ядерного, химического и биологического оружия, была освещена в докладе, подготовленном консорциумом известных научно-исследовательских центров. В нем говорилось, что «практически ни один миллиграмм российского плутония» и «менее чем одна седьмая» высокообогащенного урана не было утилизировано, и «то же самое верно для США». Более того, по данным этого доклада, «„тысячи российских военных ученых-ядерщиков до сих пор являются безработными“, и, таким образом, они оказываются подвержены соблазнительным предложениям о работе на страны, которые, возможно, ведут тайные разработки в области создания ядерного оружия». В этой связи определенный позитивный опыт был достигнут в рамках реализации «Программы совместных действий по снижению рисков использования средств массового поражения» (программа Нанна-Лугара), но дальнейшего решения ожидают гораздо более серьезные проблемы{426}.

Как уже отмечалось, Стратегия национальной безопасности, опубликованная в 2002 году, практически не предусматривала способов снижения вероятности возникновения международных военных конфликтов. Другим фактом, вызывающим беспокойство, является то, что Стратегия национальной безопасности, по сути, призывает потенциальных противников «продолжать поиск возможностей военного сдерживания посредством приобретения оружия массового поражения и средств его доставки», тем самым стимулируя процесс распространения опасных видов вооружения. Дж. Буш внес соответствующие изменения в структуру федерального бюджета США. На создание и поддержание системы противоракетной обороны было выделено больше средств, чем на содержание всего Государственного департамента, и в четыре раза больше, чем на «программы по защите от опасных видов вооружения и материалов на территории бывшего Советского Союза». Содержание ядерного арсенала и подготовка к испытаниям новых видов вооружения потребовали в пять раз больше средств, чем инициативы по контролю за созданием «грязных бомб» и за оборотом ядерных веществ{427}.

Еще до обнародования Стратегии национальной безопасности президент Буш выступил с инициативой о создании программ для развития наступательных видов ядерного оружия. Специалисты из Пентагона отнесли ядерное и неядерное оружие к категории «наступательных ударных комплексов вооружений», которые могут стать «основой „новой триады“ наступательных, оборонительных и военно-промышленных средств», позволяющих достигать «молниеносного сокрушения противника». Иво Даальдер из Института Брукинса отмечает, что, по мере того как ядерное оружие становилось «скорее средством ведения военных действий, а не военного сдерживания», традиционные подходы «оказались полностью изменены», а грань между традиционными видами вооружений и оружием массового поражения стала постепенно размываться. Военный аналитик Уильям Аркин писал, что деятельность администрации Буша «способствовала тому, что в мире стало гораздо более опасно жить, чем два года назад, до момента принятия присяги президентом Бушем». Готовясь к вторжению в Ирак, администрация «значительно расширила категорию ядерного оружия, с тем чтобы окончательно размыть грань между ядерным и всеми остальными видами вооружений»{428}.

В мае 2003 года Конгресс США принял программы, внесенные на рассмотрение администрацией президента, открыв тем самым новые возможности для «создания нового поколения ядерного оружия, для осуществления резкого отрыва в гонке ядерных вооружений от других стран, пытающихся достичь паритета вооружений с США»{429}. Сенатский Комитет по делам вооруженных сил отменил существовавший до 1993 года запрет на осуществление научно-технических разработок в области создания ядерного оружия малой мощности. Несмотря на то что уровень технического прогресса США в области ядерных технологий намного превосходит другие страны, такие перемены в американской политике были с воодушевлением восприняты азиатскими ядерными державами. Это не без сожаления констатирует один индийский специалист в области разоружения, поскольку эти изменения позволяют «азиатским державам также открыто объявить об усовершенствовании и техническом переоснащении своих комплексов вооружения».

Другой военный эксперт полагает, что «политика США в отношении Ирака и Северной Кореи не может не стимулировать желания других стран обзавестись ядерным оружием... Если США проводят испытания ядерного оружия, то и Китай непременно приступит к испытаниям, и в Индии руководство страны будет чувствовать чрезвычайное давление со стороны общества, призывающего к необходимости проведения ядерных испытаний», затем по цепочке активизируется Пакистан — «вы просто открываете ящик Пандоры»{430}. Специалист по вопросам обороны Харлан Ульман предупредил, что любая страна вроде Ирана, подвергающаяся угрозе ядерного удара, «может значительно ускорить программы разработки собственного ядерного вооружения, имея перед глазами живой пример Ирака». Существуют опасения, что Пакистан, «ощущая надвигающуюся угрозу со стороны Индии и ее превосходящих видов вооружения, вполне способен нанести упреждающий ядерный удар по территории этой страны»{431}.

Распространение в рамках гонки вооружений средств осуществления ядерной войны в космосе на протяжении нескольких лет было объектом пристального внимания со стороны американских военных стратегов. Термин «гонка вооружений» в данном случае не совсем уместен, так как в этой области у США на настоящий момент нет конкурентов. Милитаризация военного пространства, в том числе в рамках программы противоракетной обороны, создает опасность не только для других стран, но и для самих США. Но, похоже, это мало кого смущает: в истории найдется множество примеров того, как политики сознательно принимали решения, представляющие потенциальную опасность для всего мира. Интересно отметить, что такие решения обычно укладываются в матрицу преобладающих в обществе ценностей. Эта тема заслуживает более подробного рассмотрения.

Давайте вспомним некоторые важнейшие этапы развития гонки вооружений в период холодной войны. В середине XX века главную угрозу для безопасности США — тогда еще только потенциальную угрозу — представляли межконтинентальные баллистические ракеты. СССР мог принять условия договора об ограничении этих видов вооружения, осознавая, что испытывает значительное отставание в данной сфере. В своем авторитетном исследовании истории гонки вооружений МакДжордж Банди пишет, что не смог найти ни одного доказательства, которое бы подтверждало данный тезис{432}.

Недавно рассекреченные материалы из российских архивов проливают свет на эти вопросы, впрочем, остается множество до конца не проясненных моментов, отмечает ярый противник коммунизма и советской системы Эдам Юлам. Одним из таких непроясненных моментов является серьезность намерений И. Сталина, предложившего в марте 1952 года, по сути, объединить Германию, с условием, что новое немецкое государство не станет присоединяться к военному альянсу, деятельность которого была направлена против СССР. Впрочем, это вряд ли было возможно, так как Германия за несколько лет до этого уже присоединилась к такому альянсу, что могло серьезно навредить СССР. Вашингтон «без колебаний и без особого интереса отменил это предложение», пишет Юлам, в связи с тем, что оно «выглядит крайне не убедительным». Таким образом, остался открытым «ключевой вопрос»: «был ли Сталин полностью готов пожертвовать недавно созданной Германской Демократической Республикой ради утверждения демократии», учитывая, что это открывало бы поистине внушительные возможности для развития процесса разрядки и стабилизации? Мэлвин Лефлер пишет, что недавно опубликованные архивные документы удивили многих специалистов в данной сфере. В них содержалась информация о том, что после смерти И. Сталина «Лаврентий Берия — мрачная фигура, жестокий глава тайной полиции — обращался к странам Запада с предложением о том, чтобы объединить Германию и сделать ее нейтральной в военном отношении страной». Он открыто выразил желание «пожертвовать советским коммунистическим оплотом в Европе в целях ослабления западных и коммунистических противоречий и вражды» и для улучшения политических и экономических условий внутри самого СССР. По мнению Джеймса Уорбурга, то, что такие возможности в международной политике того периода существовали, но выбор был сделан в пользу участия Германии в НАТО, скорее всего правильно, однако не верно то, что эти предложения были вовсе проигнорированы как несущественные{433}.

Рассекреченные архивы проливают свет на некоторые другие предложения СССР, которые были моментально отклонены в интересах продолжения наращивания вооружений. Обнародованные архивные документы показывают, что после смерти Сталина Н. Хрущев неоднократно призывал к совместному ограничению количества наступательных средств вооружения. После того как эти предложения остались без ответа со стороны администрации Эйзенхауэра, он начал осуществление данных программ в одностороннем порядке в интересах поддержания национальной экономики при резком неодобрении своего военного командования. Хрущев полагал, что США в надежде «добиться своих целей без применения военной силы», используя гонку вооружения, пытались подорвать слабую экономику СССР. Военные стратеги из окружения Дж. Кеннеди знали о том, что Хрущев предпринимает дальнейшие односторонние шаги по ограничению вооружений, и прекрасно осознавали, что США на тот момент значительно превосходили СССР в военно-техническом развитии. Тем не менее, они, пишет исследователь данных документов Мэтью Ивангелиста, советовали президенту отклонить призывы советской стороны продолжить процесс ограничения численности вооружений в двустороннем формате, они отстаивали идею о необходимости наращивания ядерного комплекса, что поставило крест на «попытках Н. Хрущева ограничить советскую военную мощь»{434}.

Кеннет Уолц отмечает, что США «в начале 1960-х годов осуществили крупнейшее в истории за все мирное время наращивание и переоснащение комплекса стратегических и обычных видов вооружения... несмотря на то что Хрущев предпринимал активные попытки резкого

сокращения обычных видов вооружения в соответствии со стратегией минимального сдерживания, американскому руководству удалось достичь того же самого, но с колоссальным перевесом в нашу пользу». К такого рода заключениям пришли также авторитетные исследователи, такие как Реймонд Гартхоф и Уильям Кауфман, которые могли наблюдать за развитием этих событий изнутри американских разведслужб и Пентагона{435}.

Реакцией советского военного руководства на такие активные меры США (ее усугубляла также и очевидная военная слабость СССР, проявленная в ходе Кубинского кризиса) стало то, что они приложили максимум усилий, чтобы свернуть реформистскую деятельность Н. Хрущева. Если бы она продолжилась, то, возможно, Россию не постигла бы в дальнейшем социальная и экономическая стагнация, начавшаяся в 1960-х годах, которая вызвала необходимость проведения коренных преобразований, предпринятых М. Горбачевым, хотя это было уже запоздалой мерой. Вероятно, эти ранние преобразования позволили бы избежать социальных потрясений 1990-х годов, опустошительной войны в Афганистане и участия в других конфликтах, не говоря уже о снижении опасности ядерной катастрофы по мере того, как гонка вооружений стала приобретать новые пугающие измерения.

На протяжении истории агрессивные и провокационные действия часто оправдывались необходимостью защиты от безжалостного врага. В случае с Кеннеди защита от того, что он сам называл «монолитными и беспощадными тайными организациями», была направлена на распространение американского влияния во всем мире. Это один из множества аргументов, который практически бессодержателен в силу его предсказуемости, вне зависимости от возможных последствий и источников опасности. Чтобы понять скрытый смысл такого рода заявлений, необходимо напомнить себе один основополагающий доктринерский постулат: противоречивые и бессвязные инициативы в случае опасности могут быть объединены понятием «в интересах обороны». Реализуемые в данный момент военные программы не являются в этой связи исключением.

Система противоракетной обороны является только частью более амбициозных программ милитаризации космического пространства, предусматривающих обеспечение монополии использования космоса для проведения военных наступательных операций. Эти замыслы были изложены еще двадцать лет назад в опубликованных Объединенным космическим командованием Вооруженных сил США документах, а также в аналитических материалах ряда других структур{436}. Об этих грандиозных планах американского руководства стало известно с момента обнародования администрацией Р. Рейгана программы «звездные войны» (программа СОИ — «Стратегическая оборонная инициатива»). Программа СОИ — вскоре на ее основе появилось целое международное общественное движение — как предполагалось, была в значительной мере направлена на «нейтрализацию стратегических межконтинентальных ракет противника», призывала к обеспечению «мира» и к «разоружению», в то время как в рамках ее реализации предполагалось создание более совершенного оружия наступательного типа{437}. Программа СОИ, по мнению Рэймонда Гартхофа и ряда других исследователей, нарушала договоренности, принятые американской стороной ранее в ходе подписания договора по ПРО в 1972 году. Администрация Рейгана решительно отвергала все обвинения по этому поводу в свой адрес. Советник Государственного департамента США по правовым вопросам судья Абрахэм

Соуфаэр даже пригрозил судебным преследованием Гартхофу, когда тот пытался опубликовать свою книгу на эту тему. Данная книга, по словам Гартхофа, разоблачает ужасающие намерения Пола Нитзи и других энтузиастов окружения Р. Рейгана в отношении программы СОИ, которые заключались в том, чтобы «создать исторический прецедент и подорвать приверженность США принципам и нормам права». Впоследствии они заявляли, что программа СОИ способствовала завершению холодной войны, поскольку заставляла СССР неуклонно наращивать свои расходы на вооружение, — данный аргумент, по мнению Гартхофа, который был хорошо информирован в этих вопросах, не выдерживал никакой критики{438}. Однако существует масса свидетельств в пользу того, что отказ администрации США во главе с Дж. Кеннеди от предложений о совместном с советской стороной снижении количества стратегических видов оружия, воинственный настрой американцев и ускорение ими гонки вооружений действительно могли приблизить окончание холодной войны, а заодно и увеличить общий уровень опасности в мире и привести к непоправимым последствиям.

С приходом к власти Дж. Буша-младшего активно началось обсуждение вопросов, связанных с противоракетной безопасностью. К моменту совершения терактов 11 сентября 2001 года военные расходы США уже превышали совокупные затраты на вооружение пятнадцати наиболее развитых после Соединенных Штатов в военном отношении стран. К тому же соблазн использования в своих интересах общественных опасений и фобий, связанных с угрозой терроризма, был слишком очевиден, а различные военные программы развивались самым активным образом по всем направлениям, что было продиктовано необходимостью борьбы с терроризмом лишь в исключительных случаях.

Система противоракетной обороны часто рассматривается как некий «троянский конь, скрывающий от глаз обывателя наиболее амбициозные планы США: постепенную милитаризацию космического пространства» посредством размещения на околоземной орбите наступательных видов оружия, обладающих высокой разрушительной силой, либо создания здесь высокоточных комплексов наведения{439}. Система противоракетной обороны предназначена для наступательных целей. Это хорошо понимают близкие союзники США, а также их потенциальные противники. Канадские военные аналитики доложили руководству своей страны о том, что главной задачей системы противоракетной обороны «является укрепление военно-политического влияния Соединенных Штатов и блока НАТО, нежели она отвечает интересам безопасности в условиях повышающейся угрозы со стороны Северной Кореи и Ирана»{440}. Один из ведущих китайских специалистов в области контроля над вооружениями не сказал ничего нового, когда констатировал, что «коль скоро руководители США уверены в том, что теперь они обладают и крепким копьём, и щитом для отражения атак, у них может создаться впечатление, что их государство стало абсолютно неуязвимым и они способны нанести сокрушительный удар любому противнику на планете». Китайское руководство отдаёт себе отчет в том, что данный политический курс, за разработкой которого стоят радикальные националисты из окружения президента США, во многом направлен против самого Китая. Главной идеей американской Стратегии национальной безопасности, которую должен усвоить весь мир, в том числе Китай, является то, что США не станут мириться ни с какой потенциальной угрозой своему господствующему положению в мире. Китайские власти, безусловно, не сбрасывают со счетов тот факт, что США сохраняют за собой право нанесения первого ядерного удара. Китайские военные, как

и американские эксперты, располагают достоверными свидетельствами «многочисленных фактов появления американских самолетов-шпионов EP-3 над территорией Китая». Когда один из них был сбит в начале 2001 года, что вызвало международный скандал, появились заявления, в которых сообщалось, что «этот тип самолетов применяется не только для ведения обычного слежения, но также используется как средство сбора данных для разработки стратегии ведения военных действий с применением ядерного оружия»{441}.

В исследовании, проведенном корпорацией «Рэнд», отмечается, что позиция китайских военных в отношении американской системы противоракетной обороны сходна с тем, как ее воспринимают аналитики в США: китайские эксперты считают ее «не только защитным средством, но еще и своего рода опорой для осуществления наступательных действий». Многие с этим согласны. Эндрю Бачевич, выступая на страницах консервативного журнала «Нэйшнл интэрест», пишет: система противоракетной обороны «будет способствовать распространению США своего военного влияния за рубежом... ограждая территорию Соединенных Штатов от силового воздействия извне — хотя и не в полной мере — противоракетная оборона станет основой и залогом формирования собственного американского пространства повсеместно». Бачевич приводит выводы, сделанные Лоуренсом Капланом в журнале «Нью репаблик», о том, что «система противоракетной обороны направлена не только на обеспечение безопасности США, она является средством достижения глобального превосходства». По собственным замечаниям Каплана, противоракетная оборона «имеет отношение скорее к нападению, чем к обороне. Именно поэтому США в ней нуждаются»{442}. Система ПРО обеспечит Америке «полную свободу в применении военной силы или использовании ее в качестве средства запугивания в международных отношениях» (в этом состоит аргумент Китая, на который справедливо указывает Каплан). Она «послужит укреплению гегемонии США и сделает американцев „хозяевами мира“».

Данная политика США вполне вписывается в вильсоновскую идеалистическую модель в ее современной версии. Эта доктрина имеет «настолько сильное влияние на американскую внешнюю политику, что, кажется, она совершенно не подвержена ревизии и критике». Применяя ее к тому, о чем мы сейчас говорили, можно сказать следующее: Америка «находится в авангарде исторического процесса» и по этой причине должна во благо других наций поддерживать свое мировое доминирующее положение и военное превосходство отныне и навсегда, отметая любые попытки оспорить это ее право{443}. Главная заслуга США перед всем человечеством в таком случае заключается в том, что они действуют в соответствии с «полной свободой в применении военной силы или использовании ее в качестве средства запугивания», опираясь на систему противоракетной обороны. Разве кто-то станет спорить, что такая логика безукоризненна?

Система противоракетной обороны, даже если ее создание технически возможно, должна опираться на развитую спутниковую телекоммуникационную сеть, а уничтожение спутников является гораздо более легкой задачей, чем уничтожение стратегических ракет. Оружейные комплексы, предназначенные для борьбы со спутниками противника, запрещены международными договорами, которые Дж. Буш сейчас пытается обойти всеми способами. Этот вид вооружений доступен для очень большого числа стран. Данная парадоксальная ситуация, связанная с системой противоракетной обороны, бурно

обсуждалась на самых различных уровнях. Впрочем, ситуация представляется не такой уж неразрешимой. Сторонники введения в действие системы ПРО сохраняют убежденность в том, что США способны поддерживать собственное «безраздельное глобальное доминирование» — положение, при котором американские военные контролировали бы все регионы мира, а также околоземное космическое пространство с тем, чтобы применение любого вида оружия против США их потенциальными противниками оказалось бы лишеным всяческого смысла. Это предполагает размещение на околоземной орбите наступательных средств вооружений, включая виды оружия с достаточно большой разрушительной силой, запуск которых бы осуществлялся через компьютеризированную систему управления. Такие комплексы еще называют «звездами смерти», вероятно, для этих целей подошло бы использование ядерного оружия. Если учесть возможность возникновения случайных сбоев в работе таких систем вооружения, то вполне можно представить себе всю степень и масштаб разрушительных последствий, которые могут повлечь подобные аварии {444}.

Через несколько недель после обнародования Стратегии национальной безопасности США было объявлено о том, что использование военных оружейных комплексов космического базирования «ляжет в основу обеспечения американской национальной обороноспособности и военного потенциала страны». В соответствии со Стратегией национальной безопасности Соединенные Штаты сперва должны установить контроль над околоземным космическим пространством, а посредством этого обеспечить свое «безраздельное мировое господство», которое должно быть постоянным и незыблемым. Преобладание не только на земле, но и в космосе, позволит США «проводить военные операции в любое время и в любом самом отдаленном уголке мира», причем «осуществление ударов из космоса» станет частью новой военной стратегии. «Жизнеспособная система глобального военного реагирования, как с использованием ядерного оружия, так и обычных средств вооружения, позволит США осуществлять молниеносные высокоточные удары, поражать труднодоступные цели на больших дистанциях». Она «даст американскому военному командованию возможность своевременно оказывать сопротивление силам противника посредством противодействия, сдерживания, проведения обманных маневров, использования собственных тактических преимуществ, уничтожения вражеских сил и объектов. Причем все это не в течение недель/дней, а за несколько часов/минут, даже в условиях, когда США и их союзники имеют сравнительно ограниченное военное присутствие в зоне конфликта» {445}.

Эти планы военного руководства США были изложены еще в мае 2002 года в секретном документе Пентагона. Часть этих материалов получила огласку, в них была сформулирована стратегия «превентивного военного сдерживания», которая предполагала осуществление запуска с платформ на околоземной орбите сверхзвуковых ракет для моментального проведения «неожиданных атак». Военный эксперт Уильям Аркин заявил, что «ни одна цель на планете не устоит перед такой атакой. США вправе наносить военные удары без предупреждения в любой момент и в любой ситуации, когда появляется угроза их безопасности, а теперь это право будет обеспечено новой системой противоракетной обороны» наряду с мерами внутренней безопасности США. Сверхзвуковые управляемые ракеты обладают достаточным запасом мощности заряда и снабжены передовыми системами наведения для успешного уничтожения любых объектов. Новый комплекс вооружений создает возможность нанесения бомбовых ударов по заданным целям непосредственно с американских военных баз, которые располагают передовыми системами

наблюдения, позволяющими «отслеживать, фиксировать и анализировать перемещение каждого транспортного средства в городах любой точки мира». Таким образом, вся планета должна полагаться на милость со стороны США, которые способны осуществлять силовые акции по собственному усмотрению, без предупреждения или серьезных оснований, — в этом и состоит практическое значение термина «потенциальная опасность»{446}. Трудно найти исторические аналогии этим инициативам американского руководства.

Еще более причудливые идеи были выдвинуты Управлением научно-технических исследований Пентагона ДАРПА[26], когда его сотрудники предложили связать компьютер и человеческий мозг, что в итоге, как они надеялись, могло бы привести к созданию системы для передачи мысли на расстоянии. Военные ученые считают, что «эта система станет основой ведения военных действий в будущем». Пока эти проекты вполне отвечают привычному для военных ученых из Управления Пентагона стремлению претворять в жизнь наиболее амбициозные и фантастические планы в целях обеспечения государственных заказов, обосновывая их необходимостью укрепления национальной обороны{447}.

Милитаризация космоса и околоземного пространства преследует далеко идущие планы. Объединенное космическое командование Вооруженных сил США в своем бюллетене «Перспективы развития до 2020 года» сформулировало свои основные задачи на этот период: «установление доминирующего положения в области военного использования околоземного пространства Земли для обеспечения внешнеполитических и экономических интересов США». Об этом говорится как о главной исторической задаче, стоящей перед вооруженными силами. Сухопутные войска были необходимы «в период освоения западных территорий континентальной части США» для самообороны. Различные государства, говорится далее в бюллетене Объединенного космического командования, создавали военно-морские силы «для обеспечения своих торговых интересов и расширения собственного мирового влияния». Следующим логическим шагом является создание космических сил, которые должны быть поставлены на защиту «американских национальных интересов [военных и коммерческих] и зарубежных инвестиций США». Эти силы объединят систему противоракетной обороны, включая «оружейные комплексы орбитального базирования», и обеспечат «защиту от объектов и целей на земле, на орбите и в космосе».

Однако космические силы США будут создаваться в соответствии с иными принципами, чем, скажем, военно-морские силы. Уникальность ситуации состоит в том, что теперь в мире будет единственный гегемон. Немецкий флот противопоставлялся морскому владычеству Великобритании, и все мы знаем, каковы были последствия этого. Но США отныне неуязвимы в военном отношении, разве что только со стороны стран-изгоев, обладающих оружием массового поражения, и довольно ограниченной категории «международного терроризма», которая укладывается в рамки официальной идеологии: «их» терроризм против «нас» и наших союзников.

Необходимость утверждения безраздельного глобального доминирования будет возрастать по мере «углубления процесса глобализации экономических систем», полагают эксперты из Объединенного космического командования США. Причина этого состоит в том, что «глобализация» приведет к «увеличению разрыва между „потребностями“ и

„возможностями“». Как и специалисты из Национального совета по разведывательной деятельности{448}, многие военные эксперты признают, что «экономический разрыв», который имеет тенденцию к увеличению в ближайшем будущем, будет сопровождаться «повышением уровня экономической стагнации, политической нестабильностью, культурным отчуждением». Он приведет к различного рода международным потрясениям и вспышкам агрессии со стороны тех, кто не может в полной мере удовлетворить свои «потребности», а направлена эта агрессия будет преимущественно против США. Эти причины подтверждают необходимость создания космических наступательных военных программ. После достижения своего военного превосходства в данной сфере США придется взять на себя обеспечение порядка в мире «посредством использования оружейных комплексов орбитального базирования и применения тактики высокоточных ударов из космоса в качестве противовеса нарастающей глобальной тенденции распространения оружия массового поражения». Эти негативные явления современного мира являются косвенным последствием осуществления американских военных программ, так же как «экономический разрыв» стал следствием ускорения процесса «глобализации».

Предложенные специалистами Объединенного космического командования США исторические аналогии эволюции видов вооруженных сил параллельно с развитием международных отношений могли бы быть существенно дополнены рядом других примеров. Модернизация вооружений на протяжении современной истории оказывала самое непосредственное влияние на технологическое и промышленное развитие. В первую очередь это касалось достижений в области металлургии, электроники, станкостроения, обрабатывающей промышленности. Сюда же относится создание американской системы массового производства, которая произвела всеобщий фурор в XIX веке и заложила основы для последующего появления автомобилестроения, предопределила другие достижения промышленного прогресса, основанные на многолетней инвестиционной, научно-исследовательской деятельности, на опыте, накопленном в военно-промышленном комплексе США. После Второй мировой войны произошел качественный скачок, на сей раз преимущественно в США, поскольку здесь под эгидой военного руководства удалось создать основные научно-производственные кластеры, в основном специализирующиеся в области компьютерных технологий и электроники, телекоммуникаций и интернет-технологий, в сфере разработки систем автоматизированного управления, создания лазеров, коммерческого авиастроения и во многих других направлениях деятельности. В настоящий момент в этот список также вошли нанотехнологии, биотехнологии, нейроинженерия и пр. Историки экономики отмечают, что уровень сложности технических проблем, с которыми сталкивались сто лет назад при производстве военного оснащения флота, вряд ли сопоставим с уровнем сложности создания космических кораблей. А теперь с разработкой программ милитаризации космоса влияние военного сектора на гражданскую экономику может удвоиться.

Одним из возможных следствий встраивания системы льгот ВПК в рамки так называемых «рыночных отношений» является то, что ведущие индустриальные общества, в первую очередь США, могут поддерживать присутствие в экономике значительной доли государственного сектора, на который опирается вся национальная экономическая система, при этом равномерно распределяя издержки и риски промышленного производства между участниками экономической системы и увеличивая уровень прибыли.

Многие прекрасно это осознают. Канцлер Германии Герхард Шрёдер, отказавшись от своей прежней критической позиции в отношении системы противоракетной обороны, отметил, что Германия испытывает «крайнюю экономическую потребность» в разработке технологий противоракетной обороны, а также не должна «оставаться в стороне» от научно-исследовательской деятельности в данной сфере. Ожидается, что участие европейских стран в создании программ противоракетной обороны в значительной мере поможет укрепить их промышленный потенциал. Подобным образом Управление противоракетной обороны Министерства обороны США в 1995 году в своих рекомендациях, подготовленных для японского руководства, сообщало, что разработка и производство оборонных оружейных комплексов против ракет средней дальности являются «последней крупной деловой возможностью в уходящем столетии». В последнее время Япония не только все чаще привлекается для проведения экспертизы производственных возможностей различных стран и предприятий, но также способствует укреплению заинтересованности мирового индустриального сообщества в программах милитаризации космоса{449}.

История показывает, что такая политика не приводит ни к чему хорошему. В настоящий момент опасность воинственных порывов некоторых стран порой граничит с угрозой выживанию человечества. Правда, как отмечалось ранее, некоторые действия весьма эффективно обосновываются в соответствии с преобладающей в обществе системой ценностей, находящей свое выражение в общественных институтах. Главный принцип заключается в том, что достижение мировой гегемонии представляет куда более важную задачу, чем просто выживание в современном мире. Вряд ли здесь кроется нечто кардинально новое, поскольку за последние полвека мы могли не раз наблюдать подтверждения этого принципа.

По этим причинам в 1967 году США отказались от подписания «Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела». Этот договор предусматривал использование космического пространства исключительно в мирных целях. Опасения в связи с этим решением получили свое выражение в ряде резолюций ООН, призывавших к «ограничению гонки вооружений в космосе», их разработка была продиктована общей обеспокоенностью в отношении намерений Вашингтона преодолеть это ограничение. Вслед за США в 1999 году Израиль, а в 2000 году Микронезия воздержались от участия в этом договоре. Ранее уже отмечалось, что сразу же после того, как все осознали, что мир преодолел крайне опасный период своего развития, когда потенциальные крупномасштабные военные конфликты могли привести к «уничтожению всего Северного полушария планеты», администрация Дж. Буша применила свое право вето для отклонения международных инициатив по ограничению милитаризации космоса. Ровно по этим же причинам Вашингтон сорвал переговоры в рамках очередной сессии Конференции ООН по разоружению, открывшейся в январе 2001 года{450}. Тогда были отвергнуты призывы генерального секретаря ООН Кофи Аннана к международным державам о необходимости преодоления недостатка «политической военной объекты, предназначенные для обороны от биологического оружия», может нарушить государственную военную тайну, которая связана с преобразованиями, осуществленными в ходе переоснащения данного оборонного комплекса{451}.

Эксперты в области биологического оружия выражают обеспокоенность в связи с тем, что «вероятной причиной отказа США от подписания протокола по биологическому оружию является их стремление активно наращивать свои секретные разработки в данной сфере» в обход международных договоренностей. Они также отмечают, что «руководство США проявило нежелание развивать инициативы, закрепленные в данном протоколе, которые способствуют развитию американской фармацевтической отрасли». В числе секретных разработок США указаны планы по генетическому моделированию устойчивого к различным вакцинам штамма сибирской язвы, уже ранее созданного в российских лабораториях. Различные профильные ведомства и службы правительства США, «как представляется, начали проведение сверхсекретного исследования, направленного на изучение возможностей использования биотехнологий для создания биологического оружия» в нарушение всех возможных международных конвенций и договоров. Таким образом, «другим странам не остается ничего иного, кроме как начать делать то же самое вслед за США», что, вполне возможно, подстегнет «глобальную гонку биологических вооружений». Распространение технологий создания биологического оружия также «значительно увеличивает риск того, что различные террористические группы окажутся в состоянии осуществить масштабную акцию с использованием химических или биологических средств поражения»; вероятность такой угрозы обсуждалась в докладе государственной комиссии Харта-Рудмана по вопросам национальной безопасности США от 2002 года{452}.

Помимо всего прочего, администрация Дж. Буша объявила, что США «в дальнейшем не намерены поддерживать положения Статьи 6» Договора о нераспространении ядерного оружия 1970 года, который является главным международным соглашением о контроле над этим видом оружия. Его подписание имело определенные плодотворные следствия, впрочем, лишь наметившие направления для общего позитивного сдвига. Так, пять главных мировых ядерных держав не выполнили взятые на себя в соответствии с договором обязательства.

Статья 6 данного договора является его ключевым элементом, поскольку в ней заложен принцип, обязывающий мировые ядерные державы «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению». Вскоре администрация Дж. Буша выступила с заявлением о несогласии с положениями Договора по ПРО (после этого США вышли из данного договора) и Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах[27]. Соединенные Штаты сорвали первую конференцию ООН по вопросам борьбы с международной контрабандой стрелкового оружия. В то же время представитель США в ООН Джон Болтон сообщил участникам конференции о том, что Вашингтон выступает против «усиления пропаганды со стороны международных или негосударственных организаций»{453}. Не трудно догадаться, что скрыто за этим заявлением и каковы его возможные последствия.

После обнародования американской грандиозной имперской стратегии в сентябре 2002-го, администрация Дж. Буша с новой силой начала противодействовать продолжительным попыткам создания механизмов осуществления международной Конвенции о запрещении разработки биологического и бактериологического оружия. В результате в течение четырех лет данные вопросы вообще не обсуждались, а вскоре после этого руководство США отказалось продлевать действие Женевского «Протокола о запрещении применения на

войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» от 1925 года{454}.

Стоит отметить еще один важный аспект американской внешней политики. Администрация Дж. Буша в последнее время находилась в эпицентре критики. США не хотели присоединиться к странам, подписавшим Киотский протокол, объясняя свое решение необходимостью защиты интересов своей экономики. Этот критицизм не совсем понятен, учитывая то, что данные действия американского руководства укладываются в привычную идеологическую схему. Каждый день нам вбивают в голову мысль о преимуществах неоклассической теории рыночной системы, в соответствии с которой отдельные индивидуумы обладают рациональным стремлением к максимизации своей прибыли. Если устранить все ограничения рыночного механизма, то он непременно будет отвечать «запросам», обеспеченным долларовым или другим эквивалентом. Значение индивидуальных интересов измеряется таким же способом. В частности, интересы группы, не имеющей никаких запросов, равны нулю: это, к примеру, будущие поколения. Получается, что пренебречь необходимостью обеспечения достойной жизни для наших с вами потомков будет вполне рационально, коль скоро таким образом мы сможем увеличить собственное «благополучие», — это потребует осознания своих эгоистических интересов, которые насаждают и стимулируют целые общественные индустрии. Угрозы нашему выживанию усугубляются в результате политики наших властей, ведущей не только к ослаблению действия системы институтов, которые предназначены для снижения негативного воздействия рынка, но также к размыванию культуры сострадания и солидарности, являющейся, в свою очередь, основой данных институтов.

Все это отражает другой аспект той катастрофической ситуации, в которой мы с вами находимся и очертания которой в ближайшем будущем будут становиться все более явными. И снова здесь можно найти рациональные доводы, укладывающиеся в рамки преобладающей доктрины и социальных стереотипов.

Будет большой ошибкой заключить, что перспективы развития исключительно безрадостны. Все далеко не так плохо. Одной из позитивных тенденций является постепенное развитие правосознания большой массы населения. Этот процесс стал набирать силу в 1960-х годах, когда социальная гражданская активность производила значительный цивилизаторский эффект, усиливавшийся в последующие годы. Еще одной многообещающей тенденцией стало повышение внимания к проблематике прав человека и гражданина, в том числе к правам меньшинств, правам женщин, молодежи и будущих поколений, с чем было связано также усиление значимости тематики защиты окружающей среды. Впервые в американской истории был поднят вопрос о правах коренных групп, населяющих континент, сделана попытка переоценки значения завоевательной политики на протяжении столетий и ее влияния на судьбу коренных американцев. В результате активного распространения движений гражданской солидарности, которые в 1980-х годах стали частью культуры мейнстрима в США, особенно в Центральной Америке, стали всплывать новые факты из истории империалистической политики США. Никогда до этого столь значительное число граждан метрополии не выступало в поддержку тех, кто стал жертвой имперской агрессии их страны. Именно в тот период сильный импульс к развитию получили многие международные организации солидарности, которые в настоящий момент эффективно

функционируют в различных регионах мира, что вызывает страх и ненависть в странах с авторитарным репрессивным руководством, а члены этих организаций подчас подвергаются смертельной опасности^{455}. Глобальные международные правозащитные движения, представители которых теперь каждый год собираются на Всемирный социальный форум, также начали формироваться в этой атмосфере, став абсолютно новым и уникальным явлением по своему характеру и масштабу. Своим появлением «вторая сверхдержава» на планете — международное сообщество, с чьим мнением уже нельзя было не считаться после 2003 года, — во многом обязана указанному общественному подъему.

В течение современного исторического этапа произошли существенные позитивные изменения в области прав человека и повышения демократического участия. Вряд ли это стоит приписывать заслугам просвещенных мировых лидеров, чье мнение и позиции типичным образом были навязаны всем нам, после того как они пришли к власти в результате борьбы различных общественных групп. С оптимизмом можно отметить очевидный факт: всеми была признана важность прав человека и необходимость их расширения. Данный процесс протекает не без определенных перекосов, но в целом можно констатировать поступательность данных позитивных изменений. Все это имеет отношение к наиболее актуальным проблемам современности. Негативные последствия деятельности транснациональных корпораций спровоцировали массовые акции протеста и общественные волнения, особенно в так называемых бедных странах Юга, к которым впоследствии присоединились жители богатых индустриальных стран, и, таким образом, этот процесс не мог более оставаться незамеченным. Впервые международное взаимодействие обычных граждан в различных странах привело к формированию крепких объединений и союзов. К тому же эти объединения были действенны, как на уровне публичной дискуссии, так и в рамках принятия ключевых международных политических решений. По крайней мере, они смогли стать сдерживающим фактором репрессивной недемократической государственной политики. Различные западные интеллектуалы называли это не иначе как «революционным подъемом правосознания» в жизни общества.

Такие прогрессивные начинания могут сыграть чрезвычайно важную роль в нашей с вами жизни, если удастся сохранить позитивную динамику укрепления международного взаимопонимания и солидарности. Я полагаю, будет правильным сказать, что будущее человечества в значительной степени зависит от того, как подобные формы общественного взаимодействия будут эволюционировать.

На современном этапе истории можно выделить два основных направления развития: в одном случае оно характеризуется стремлением к гегемонии, рациональным подходом, ограниченными рамками существующих доктрин и идеологий, и появлением серьезных угроз выживанию человечества; в другом случае развитие основано на представлении о том, что «мир можно изменить к лучшему». Именно эта идея вдохновляла создателей Всемирного социального форума, для чего необходимо бросить вызов превалирующей идеологической системе, разработать альтернативные подходы к формулированию политики и пониманию роли международных институтов. Трудно предсказать, какое направление изберет человечество. В этом, безусловно, нам должны помочь наглядные примеры истории, однако не стоит забывать о том, что в настоящий момент цена наших ошибок и просчетов колоссально возросла.

Однажды Бертран Рассел высказал довольно мрачные мысли по поводу достижения мира на Земле:

“ «На протяжении веков на Земле рождались безобидные трилобиты и бабочки, но с течением времени эволюция породила неронов, чингисханов и гитлеров. Впрочем, я надеюсь, что ужасы, связанные с этими именами, остались позади; когда Земля вновь перестанет поддерживать существующие формы жизни, на ней воцарится мир и спокойствие» {456}.

Несомненно, этот прогноз в некотором смысле точен, если абстрагироваться от привычного восприятия. Важно то, успеем ли мы опомниться до того момента, когда разрушительные процессы окажутся необратимыми, и способны ли мы хоть в какой-то мере достичь мира и справедливости, а также понять, что наша судьба находится здесь и сейчас в наших руках.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 31 июля 2025 13:41:17

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 31 июля 2025 13:41:58